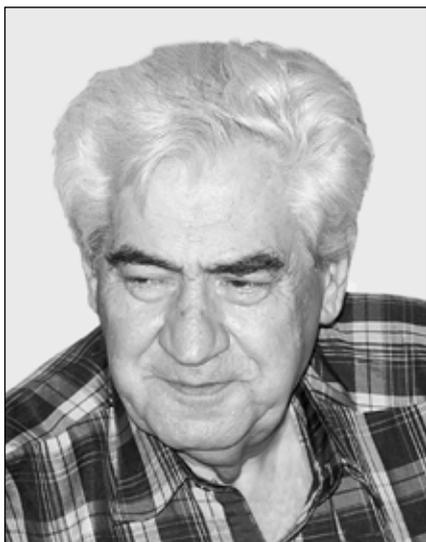

Силантьева В.И.

О ВИКТОРЕ ГЕОРГИЕВИЧЕ ЗИНЧЕНКО – УЧЕНОМ И ЧЕЛОВЕКЕ

Виктор Георгиевич Зинченко (1937–2009) рос в семье судомеханика и домохозяйки, его жизнь была связана с Одессой, особый одесский шарм присутствовал не только в его характере, но даже в его облике.

В этом городе он с медалью окончил одну из слободских школ, стал студентом филологического факультета ОГУ имени И. И. Мечникова, и в этом же университете он потом работал более тридцати лет.

Прошел путь от лаборанта до заведующего кафедрой и декана факультета РГФ. В последнее десятилетие жизни много писал: научные труды, оставленные Виктором Георгиевичем, соответствуют статусу фунда-

ментальных разработок в области теоретического литературоведения.

Всегда предупредительно вежлив, он обладал скромностью истинного интеллигента и никогда не озвучивал своих идей в качестве громких достижений. Некоторыми его молчаливость воспринималась как признак малой компетентности, но другие понимали, что основополагающие векторы научной мысли он проверяет триединой формулой: системный анализ, синергетическая парадигма художественной материи, поэтические основы текста. Он разрабатывал проблемы концептологии и смыслового поля, и здесь его интересы переплелись с когнитивистами. Он озаботился современными проблемами синергетики, и здесь ему подали руку Герман Хакен и Илья Пригожин. В общем, он любил универсализм в науке; любил читать спецкурсы в одной аудитории с языковедами, логика универсальных обобщений, свойственная Виктору Георгиевичу, неизменно влекла к нему одаренных и откровенно талантливых студентов, которые неизменно восхищались им. Он остался в нашей памяти сутуловатым и прекрасным – в его облике грека-русского-украинца и даже татарина неизменно проступала доброжелательность. Мы восхищались им и любили его.

О личностных и человеческих качествах Виктора Георгиевича хорошо сказал, а затем написал Е. М. Черноиваненко – декан филологического факультета:

«Человека, с которым много лет встречаешься в коридорах университета, с которым частенько пьешь кофе и перекуриваешь на переменах, трудно считать личностью неординарной и выдающейся. А по отношению

к Виктору Георгиевичу, к ВГ, как называли его на кафедре, это было просто невозможно. Препятствовала тому его скромность. Конечно, все мы, причастные к науке, не слишком обременены манией величия, но человека более скромного, чем ВГ, мне встречать не доводилось.

...Сейчас нам легко умиляться его добротой. Но жить с названными качествами, увы, не так-то просто. Нелегко было и ему, особенно тогда, когда волею судьбы он оказывался на начальственной административной работе. Приходилось слышать о том, что по характеру своему ВГ не очень подходит на роль руководителя. Но сегодня мне кажется справедливым совсем другое понимание этой ситуации: если человеку мешают быть нашим руководителем его необыкновенная скромность и доброта, то, может быть, это не его вина, а наша? Может быть, нам и нужен человек, не слишком отягощённый скромностью и добротой?

В общем, в отличие от многих, Виктор Георгиевич не ломал себя в угоду расхожим представлениям о добродетелях руководителя. Будучи начальником, он оставался самим собой – тем ВГ, каким мы его знали всегда. А когда обстоятельства требовали от него стать другим – он уходил с должности, чтобы сохранить свою, как теперь принято говорить, идентичность. Не очень многие способны на это. Но если вспомнить, что уже древние считали возможность всегда оставаться самим собой высшим счастьем, понимаешь, что в этом он был мудрее многих из нас».

Преподаватели кафедры зарубежной литературы, которую почти десятилетие возглавлял Виктор Георгиевич, уважая его личность и любя в нем большого, красивого человека, решили издать сборник научных трудов к его 80-летию. Но помимо этого – написать о нем небольшие эссе-воспоминания. Получилось ярко и очень тепло. Наблюдения оказались разными, но их объединило одно высказывание: «профессорский шарм» Виктора Георгиевича сочетался в нем с интеллигентностью и той простотой, какой обладают только большие умы. Приведем несколько высказываний.

Л. Н. Голубенко:

«Я не видела его ожесточившимся, хотя поводов для этого было множество. Прошли годы с момента его ухода. А я вновь и вновь вижу его глаза. И кажется мне, что он извиняется за свое сегодняшнее отсутствие: «Простите, что я не с вами, простите, что не могу вас обнять...»

Л.И. Синявская:

«Он имел свои литературные пристрастия, он делал своё большое дело очень последовательно и без пафоса. Эта научная скромность и гениальность — отличительные черты Виктора Георгиевича, которые столь редко встречаются в нашем времени».

Р.Н. Тимченко:

«Автор серьезных исследований, он начисто был лишен верхоглядства и гордыни. Трудно представить, что у него могли быть недоброжелатели, но они все равно были. В наши студенческие времена ходила байка об одном рассеянном профессоре, который однажды перед тем, как войти в дверь трамвая, снял галоши. Думаю, что, если бы эта история была рассказана о Викторе Зинченко, она бы никого не удивила».

В.М. Романец:

«Виктор Георгиевич практически никогда не ставил «уд(ы)» и «неуд(ы)». Если студент был плохо подготовлен, он ему рассказывал материал билета, а потом ставил хорошую оценку. Он очень любил этот народ по имени студенчество. Спасибо ему».

Л.Ф. Фомина:

«Меня когда-то поразила внешность ВГ: красивый, черноволосый, с пышной шевелюрой (как-то он рассказал, что в Крыму с ним здоровались незнакомые татары, принимая за своего, и что действительно в его жилах есть татарская кровь). А еще – исключительно доброжелательный, отзывчивый».

Л.С. Савкова:

«Одним из его любимых персонажей был Кола Брюньон – мне кажется, в силу близости мировосприятия. Как и для Мастера из Кламси, для Виктора Георгиевича главным в жизни, его страстью было творчество».

Э.Э. Минкевич:

«Не уходит из памяти кот Виктора Георгиевича, который был безусловным членом его семьи. Рассказы о любовных похождениях этого гуляки были сродни миниатюрам из первых альманахов одесской «Юморины». Так и видишь этого хвостатого прохиндея балансирующим на штакетинах забора – в непреодолимом устремлении к «даме сердца» он таким вот образом сокращал путь на соседний двор».

Этот перечень строк и мнений хочется завершить еще и следующим коротким признанием: «Вот таким он и живет во мне: «профессор, который умеет быть пролетарием, который умеет быть профессором». Конфуцианство какое-то».

Большая наука Виктора Георгиевича. Начнем с признания З. И. Кирнозе: «...в один из летних свободных вечеров, беседуя о литературе в Нижнем Новгороде, Виктор Георгиевич Зинченко и Валерий Григорьевич Зусман, вместе со мной, задумались о природе концепта. Среди филологов слово «концепт» еще не было на слуху, хотя оно уже звучало у С. А. Аскольдова, в антологии по теории словесности профессора В. П. Нерознака и в словаре Ю. С. Степанова. История, природа и тайна концепта стали первой темой, объединившей нас на годы совместных размышлений, а затем и публикации книг под общим названием «межкультурная коммуникация». В этом содружестве единогласно главная роль оказалась отведенной Виктору Георгиевичу. Именно он, по следам А. Ф. Лосева, писал о том, что концепт-слово может выразить не только понятие, но любой образ во «вне-субъективном признаке».

Самые современные концепции В. Г. Зинченко разделял и отстаивал, если они опирались на фундаментальную категорию «смысл». Эта категория была центральной и в трудах М. М. Бахтина. Вступая в дискуссию об «авторе» – «тексте» – «произведении», В. Г. Зинченко сформулировал концепцию системы «литература», способной к самоорганизации и саморегуляции, но всегда генерирующей смысл.

Понятия «смысл» и «смысловое поле» были для В.Г. Зинченко осново-

полагающими. Он настаивал: самое слово «СМЫСЛ» всегда динамично. Это «текущее», сложное образование которое имеет несколько зон устойчивости. Значение слова есть только одна из зон того смысла, который оно приобретает в контексте какой-либо речи. Он часто воспроизводил замечание Л. С. Выготского «слова могут менять свой смысл – смыслы могут менять слова». Приводил в пример также известное высказывание И. В. Сталина, назвавшего Владимира Маяковского «лучшим, талантливейшим поэтом советской эпохи» и тем самым на годы вперед закрепившим значение его поэтических текстов. Сегодня же сопоставление его стихов, к примеру, со стихами Осипа Мандельштама не столь бесспорно. Подобные примеры можно продолжить. Множество литературных текстов, говорил ВГ, объявляли носителями высокого смысла, но они же и обесценивались с течением времени. И дело тут отнюдь не в субъективности подхода. Дело в прецедентном характере текста, возникающем в пространстве когнитивистики.

И еще. Когда в результате французской студенческой революции 1968 года понятие «крушение» распространилось на социологию и филологию, философию и теологию, в литературоведении властно заявили о себе постструктурализм и деконструктивизм, констатирующие крушение формы и самого понятия «автор». Отдадим должное Виктору Георгиевичу, много времени он уделил текстам, в которых Автор-Адресант и Адресат «заспорили» между собой. В работах Виктора Георгиевича схемы, воспроизводящие сложные взаимодействия названных субъектов, встречаются очень часто...

Размышляя на эту тему, В. Г. Зинченко приходит к следующему выводу: в новейшей литературе (т.е. деконструктивистской и постмодернистской) в системе «литература» центральное место все равно занимает не текст, а произведение. Оно и есть смысловой центр этой системы. Если так, то произведение потенциально способно стабилизировать систему и вызывать в ней процессы саморегулирования. И сейчас, как и прежде, говорит он, «системой» литературу делают прямые и обратные связи, существующие между автором, повествователем и его читателем. Если читатель не откликается на созданное автором произведение, если потребитель не восхищается, не преклоняется перед творением автора, то «литература» утрачивает системные качества.

Обратим внимание и на поиски В. Г. Зинченко в пространстве проблем межнациональной и межкультурной коммуникации. О его роли в разработке серии учебников по межкультурной коммуникации написала З. И. Кирнозе в своей книге «Былое живое». Во-первых, она сказала о том, что в соответствии с запросами времени кафедра, которой она руководила в Нижегородском университете многие годы, «изменила наименование и превратилась в кафедру зарубежной литературы и теории межкультурных коммуникаций». Во-вторых, о том, что «нужно было создавать концепцию» и искать сотоварищей по теоретическому обоснованию этой новой концепции. И в-третьих, о том, что одним из разработчиков данной теории стал «талантливый Виктор Георгиевич Зинченко из Одесского университета»,

«сочетавший интерес к филологии с изучением точных наук и ставший одним из главных авторов системного подхода».

Отправным моментом серии названных исследований стал тезис: открытые и трижды проверенные принципы работы над темой межнациональных и межкультурных отношений позволяют рассмотреть их как целостную систему. В качестве единицы культурной и межкультурной коммуникации можно принять концепт в его вербальном и невербальном выражении. Опираясь на когнитивную лингвистику, следует соотносить ментальные языковые концепты и благодаря этому подойти к проблемам дискурса, «языковой личности» и перевода в пространстве межкультурной коммуникации.

Системы концептов образуют концептосферы – национальные, социальные, возрастные, гендерные, коллективные и индивидуальные, ментальные и языковые. Здесь можно и должно присоединиться к мнению Д. С. Лихачева о том, что язык выступает как символический заместитель национальной культуры. Благодаря анализу языкового и культурного миров выявляются их общие географические, исторические, этнопсихологические определители.

Продуманная и научно выверенная идеологема этой концепции безусловно подкупает своей простотой и последовательностью изложения. Она была обнародована в нескольких вариантах российских изданий и вошла в обязательный университетский курс по проблемам межкультурной и межнациональной коммуникации.

Наверное, есть особая закономерность и в том, что важное место в научной судьбе В. Г. Зинченко последних десяти-пятнадцати лет его жизни заняли изыскания в области синергетической модели развития, переориентирования, обновления мира и, конечно, искусства. Формула «кризис-хаосный порядок из хаоса» буквально преследовала его, он хотел распознать и понять хаос как в современном историческом и политическом пространстве, так и в науке. Оказавшись в спирали хаоса, он все-таки увидел в нем признаки не только бифуркации, но и аттракции, он жаждал профессионально прокомментировать произведения, несущие в себе заряд как нестабильности, так и перспективы постоянства а, может быть, и будущей угаданной автором гармонии. В этом отношении его рассуждения о фракталах, могущих предстать в качестве новых шедевров, оказались особенно востребованными и интересными.

Так сложилось, что основополагающие теоретические разработки Виктора Георгиевича Зинченко в Украине известны лишь небольшому числу его коллег и единомышленников. Он ушел из жизни, не успев состояться в умах филологов как большой ученый. Студенты и молодые преподаватели, буквально замиравшие на его лекциях по системному анализу, не могли и все еще не могут ознакомиться с материалами, в которых реализуются идеи их старшего товарища. К тому же – понятийный аппарат и терминология, присущие межкультурной коммуникации, концептологии, синергетике и системному анализу как таковому, затруднены для слухового восприятия. В этот глоссарий нужно вслушиваться, вчитываться и неоднократно соотносить его с тем, что апробировано в классическом литературоведении и

языкознании.

Все сказанное объясняет необходимость конференции, посвященной памяти В. Г. Зинченко (28–29 апреля 2017) и книги его трудов, названной нами так: **«Виктор Георгиевич Зинченко. Научное наследие лингвиста. Воспоминания»**.